

Бог дал

Гульсум Нурисламовна Мустафина показывает рисунки своего отца, замечательного писателя Нурислама Шайхулова. Это ж как надо было любить свою родную деревню, что даже после её окончательной кончины, когда не осталось ни одного жителя, он по памяти рисовал эти родные полторы улицы. Именно такой была деревня Худайбердино – в полторы улицы. Она просуществовала ровно 200 лет и в 1970 году исчезла с карты района.

Нурислам Шайхулов вместе с семьей жил в селе Зигаза, куда перебрался после того, как Худайбердино объявили бесперспективной. Он написал много книг, и в каждой из них подспудно или же явно восстает образ его родной деревни. Городским жителям этого не понять: они даже свой родной подъезд любить не умеют.

А деревенские – они сентиментальные, у них все родное и близкое, не только свой огород: это и улица, которая сначала скатывается под гору, а потом, вильнув вправо, восходит к заброшенной церквушке; это и кусочек реки, вспыхивающий бликами солнца из-за разросшейся акации, или кусочек неба, виднеющийся сквозь дыры на крыше старого сарая.

Да, деревенские – они иные.

Сегодня мы готовимся ехать в Худайбердино. Мы – это сами худайбердинцы, уроженцы деревни, или те, кто имеет к ней хоть какое-то отношение (мама-папа там родились). Среди всех только я один не являюсь худайбердинцем. Кстати, знаете, с какой гордостью эти люди произносят слово «худайбердинцы». Как звание!

Подъезжают два «Урала» и несколько внедорожников. Нас человек тридцать. Грузимся. Я забираюсь на «Урал», здесь, в кузове, вместе с худайбердинцами веселее. Едем по Зигазе и поём песни. Женщины почему-то начинают с «Катюши»: «Ой ты, песня, песенка девичья, ты лети за ясным солнцем вслед...»

Зигаза – самое интернациональное село Белоречья. Здесь русские огороды мирно соседствуют с башкирскими, и кусты малины с той и с другой стороны, цепляются друг за друга своими ветвями, пролезая сквозь ограду.

Я недавно узнал, что в Македонии коренные жители брезгуют ездить с албанцами на одном троллейбусе. Даже не брезгуют – просто албанцы и македонцы находятся в состоянии постоянного противостояния... Представляете, какие мы с вами счастливые люди! Во-первых, у нас нет троллейбусов, во-вторых, мы умеем дружить.

За двадцать лет работы в средствах массовой информации я понял простую мысль: у русских и башкир один и тот же менталитет... Впрочем, будем патриотичнее – один характер! Мы притерлись до последней зазубринки.

Башкиры, как русские, такие же смиренные и терпеливые до кровавого пота; такие же трудолюбивые до обморока; такие же добродушные и открытые до наивности; такие же сердечные до самопожертвования. Но башкиры, как и русские, тоже могут в один прекрасный момент (а может, наоборот) сказать: «Нет!». И так жажнуть дубинушкой, что потом пару столетий приходится собирать обломки...

У меня был один знакомый странник, ходил он по русским монастырям. Однажды мы с ним встретились в Каге, и он рассказывал мне, что башкирские деревни проходить легче. Там тебя быстрее накормят, хотя и назовут «русским попом» (у него была окладистая борода). Башкиры как бы специально подчеркивали свое гостеприимство к этому странному и религиозному человеку, чтобы тем самым показать достоинство своей веры.

Посмотрите, какая простая формула! Если ты унижаешь другого человека по признакам национальности или вероисповедания, значит, эти признаки в тебе самом давно унижены. И наоборот...

Впрочем, я отвлекся. Итак, мы едем в Худайбердино.

Едем весело. Поём песни. Дорога ужасная. Вернее, её просто нет. В некоторых местах – просто две изможденные колеи, затопленные дождевыми водами. Внедорожники охрипли. «Уазик» два раза выстрелил из выхлопной трубы и встал намертво. Его затолкали в лес. Люди пересели на наш «Урал». У американцев такой техники нет! «Урал» прёт, как танк, надо только уворачиваться от ветвей деревьев, которые норовят больно хлестнуть тебя по лицу: дескать, нечего здесь шуметь!

Вот и Худайбердино. Вернее, то, что осталось от деревни. А остались несколько сгоревших домов (здесь когда-то случился пожар). Почему-то сохранились именно сгоревшие дома. Остальные, наверное, люди разобрали и увезли в другие места после того, как на деревню налепили ярлык бесперспективности.

Деревенька находилась между двух речушек. Мы забираемся на гору Маяк. Впрочем, это даже не гора, а пригорок, но почему-то он носит именно такое название. Внизу Маяка чистейший родник, который не замерзает зимой, вода из него очень мягкая и живительная. Представьте картинку: журчание воды, легкий ветерок, который приносит за собой дождик, молодые березки играют веточками, и кажется, что они слегка звенят. Мешают только комары...

На Маяке стоит своеобразный памятник – это раскуроченная молнией, полусгоревшая сосна. Люди говорят, что молния ударила в неё в том момент, когда в деревне умер последний житель. Звали его Асай-бабай. Он был добрым и трудолюбивым башкиром. Играл на курае. Удар молнии в эту историческую сосну все сочли Божьим знаком: «Всё! История Худайбердино закончена».

Впрочем, Фаниль Абдуллин думает иначе. Он предприниматель из Тукана. Родился в Худайбердино. Это он вместе с Гульсум Нурисламовной Мустафиной и другими потомками башкирского писателя Нурислама Шайхулова организовал поездку и праздник. Памятник заказала Зифа Нурисламовна... Какой памятник? Об этом чуть позже...

Фаниль с хитринкой. Много не разговаривает. Но есть у него какой-то план. Или как нынче принято говорить – проект. Чувствуется: что-то зреет в его душе.

- Деревня обязательно возродится, - говорит мне, подкладывая полешко под огромный казан. Фаниль этот праздник придумал в первую очередь для своих родителей, они одни из самых пожилых выходцев из деревни Худайбердино. Это Саня-иней и Аетбай-бабай.

На небольшой сцене, сколоченной из свежих досок, идет концерт. Выступают все. Худайбердинцы – народ отчаянно творческий. А перед этим был самый трогательный момент – встреча с деревней. Представьте себе: все худайбердинцы, встав на горе Маяк в сторону большой поляны, где находилась деревня, несколько раз громко возгласили: «Хаумы, Худайберды!» В переводе с башкирского «Худайберды» - это «Бог дал».

На горе Маяк выходцы из деревни поставили скромный памятник, на котором написано по-башкирски: здесь, мол, была деревня Худайбердино. А рядом в землю зарыли капсулу с именами худайбердинцев, начиная с пятидесятих годов. Придет сюда какой-нибудь усталый турист и очень сильно удивится, что здесь, в этой глухомани, когда-то жили люди... Трудлюбивый народ, лесорубы. Здесь игрались свадьбы, женщины провожали мужей на войну, радовались и плакали, рожали детей. Здесь тихо молились Богу...

Праздник длился долго. Кто-то отправился на старое кладбище. Наиля Ишмурина приехала из Свердловской области найти могилу своей бабушки.

- Бабушка одна воспитывала пятерых детей, потому что нашего дедушку репрессировали, - рассказывает она мне. - Выжили только двое детей. Среди них – мой папа...

Наиля - интеллигентная и хрупкая женщина. Преподает историю в школе...

От этой картинки сдавливается сердце: из-за разросшейся травы виден только белый платочек... Наиля ищет свою бабушку... И она ее нашла! Сложила руки возле груди и что-то зашептала....

Едем назад. Я жутко устал. Падаю на какое-то покрывало в кузове и вытягиваю ноги. Я их почти не чувствую...

А они пляшут! Вот эти две башкирочки! Забрались в кузов и пляшут! Кто-то включил на сотовом телефоне башкирскую плясовую. Наш народ никогда не победить! Эти женщины по логике вещей должны были устать больше всех. Им сегодня досталось! Они пели и плясали на сцене, готовили еду, потом угощали всех, бегали, суетились... А теперь еще и пляшут в кузове, возвращаясь в Зигазу!

С ними сплясал бы и мой сосед по правому борту, но у него костыли. У человека перелом ноги, который не срастается три года, и дома семеро детей. Но это не помешало ему съездить в Худайбердино, чтобы встретиться с родиной. Встретиться со своим детством, которое прошло на этой благодатной земле.

Все они (я имею в виду худабердинцев) обязательно приедут сюда еще раз. В следующем году. Чтобы опять поздороваться с родиной.

Потому что эту землю дал им Бог...

Источник:

Калугин, И. Бог дал [Текст] : [деревня Худабердино просуществовала ровно 200 лет и в 1970 году исчезла с карты района] / И. Калугин // Белорецкий рабочий. – 2017. – 21 июля. – С. 5.